

УДК 801 561

И.А. Нагорный

Белгородский государственный научный исследовательский университет

СИТУАЦИЯ СОМНЕНИЯ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ИНДИВИДА

I. Nagorniy

Belgorod State University

DOUBT SITUATION IN THE INDIVIDUAL'S CONCEPTOSPHERE

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сущности сомнения в концептосфере индивида. Анализируется коммуникативно-прагматическая ситуация сомнения и средства её репрезентации в русском языке, а также модально-кваликативные смыслы в высказываниях с персуазивными частицами. Доказывается, что универсальность сомнения как кваликативного смысла концептосферы человека базируется на универсальности ментальной операции сомнения, имеющей прямое отношение к языковой и концептуальной картина мира социумов, сферам ментальности и оценки. Смысл «сомнение» характеризуются как динамичная система, предназначенная для решения поставленных перед говорящим актуальных задач.

Ключевые слова: сомнение, коммуникативно-прагматическая ситуация, модально-кваликативные смыслы, концептосфера, частицы.

Abstract. The article considers the nature of doubt in the conceptual sphere of the individual. The author analyzes the communicative-pragmatic situation of doubt and the means of its representation in the Russian language, as well as modal-qualification meanings in statements with persuasive particles. It is shown that the universality of doubt as a qualification meaning of person's conceptsphere is based on the universality of mental operations of doubt that are directly related with the societies' linguistic and conceptual pictures of the world, and areas of mentality and evaluation. The meaning of doubt is characterized as a dynamic system for solving the urgent problems of speaker.

Key words: doubt, communicative-pragmatic situation, the modal-qualification meanings, conceptsphere, particles.

Ситуативная сущность сомнения обусловлена тем, что концептосфера индивида базируется на комплексе динамических параметров, среди которых параметр персуазивной квалификации события является одним из наиболее универсальных. Сомнение как операция ментального уровня характерна для субъекта говорящего, мыслящего, чувствующего. Это операция, помогающая субъекту постичь действительность, высказать своё отношение к ней. Сомнение универсально по сути, поскольку оно применяется по отношению к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам. Мотивация сомнения может быть различной, объекты сомнения ограничены объёмом индивидуальных картин мира.

Попытки исследования сомнения как ментальной логической операции предпринимались неоднократно [2; 3]. В то же время достаточно очевидна фрагментарность лингвистических описаний этой проблемы, что обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, сомнение базируется на целом комплексе аспектов характеристики предложения как языкового средства выражения мысли, поскольку сомнение является смыслом конкретизирующего характера, который развивается на основе базовых для него смыслов «возможность», «ве-

роятность», «предположение». Во-вторых, в лингвистике пока, к сожалению, отсутствует выработанная системность в подходах к изучению сомнения как квалификативного смысла модусной сферы.

Как универсальная, операция сомнения оказывается, с одной стороны, характерной для субъекта вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, универсальность сомнения интегрируется с яркой специфичностью средств его выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения сомнения. Данные языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с чётко проявленной ядерно-периферийной организацией.

С сомнением соотносится проблема исследования возможных миров [1, с. 39; 5, с. 28-39; 4]. Под возможным миром понимается мир, который возможен по отношению к действительному миру: то, что истинно в одном из миров, может оказаться ложным в другом. Для высказываний, в которых выражено сомнение, данная проблема особенно актуальна, так как использование формального языкового средства с семантикой сомнения увеличивает, с точки зрения говорящего, возможность проявления события в каком-то из возможных миров, а в другом – уменьшает. Для высказываний, выражающих сомнение, характерна речевая актуализация говорящим возможного мира, точнее нескольких возможных миров, один из которых предлагается выбрать адресату. Для говорящего это важно, так как сомневаясь в чём-то, он «настроен» на результат осуществления операции сомнения в коммуникативном процессе, ожидает адекватного распознавания данной операции адресатом и желательного совпадения позиции адресата со своей собственной.

Говорящий пытается таким образом избежать коммуникативных лагун. Им допускается, что существует область миров, в которой результат сомнения будет максимально возможен, приближен к достоверному, потому что условия его реализации будут способствовать этому: *Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, **вряд ли** кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует* (Н. Гоголь); – *Почему вы будете рисковать моей жизнью? **Разве** я сама не отвечаю за себя?* (В. Головачев); – *Варвара! – сказал он в нос. – **Неужели** ты, в самом деле, уходишь от меня к Птибурдукову? – Ответа не было* (И. Ильф, Е. Петров). Напротив, имеется и вероятность осмысления события как ложного, не соответствующего действительности (Ср.: – *И я сомневаюсь, – пробормотал Костров, – **Разве** можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?* (В. Головачёв); *Чувство тревоги было ему тогда незнакомо? **Едва ли*** (Ю. Манн)). В действительном же мире («здесь» и «сейчас»), где реальный, то есть фактический результат события говорящим не обозначен, данное событие будет характеризоваться только как относительно истинное.

Сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному («здесь» и «сейчас») положению вещей: – *Вот отвезу – и отойду. И совсем уйду. – Ну, брат, **навряд!*** (И. Бунин); – *А с Лизой в ссоре я? – Хоть тем могу я льститься, Что Лизе **вряд ли** он успеет полюбиться* (А. Грибоедов); *Рассказиками этими **едва ли** можно было прошибить здорового* (А. Солженицын).

Сомневаясь, говорящий лично, субъективно квалифицирует событие. Данная

квалификация осуществляется «здесь» и «сейчас» как констатация недостоверности сообщаемого, вводит в предложение-высказывание оценочную модусную характеристику, накладывая её на диктумное содержание предложения. Операция квалификации осуществляется, таким образом, субъектом относительно объекта квалификации, и в операционном ключе имеет собственный план содержания и план выражения.

План содержания сомнения как квалификативного смысла типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на коннотативных факторах, обусловленных разного рода социальными, историческими и культурологическими условиями. Межкультурная универсальность сомнения как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения сомнения в национальных языках.

В плане выражения для русского языка характерна стройная ядерно-периферийная организация языковых средств, в состав которых включаются: знаменательные части речи с соответствующим значением (*сомневаться, сомнение, сомнительный, сомнительно* и под.); функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции); различные просодические средства; модально-сомнительные частицы (*вряд ли, едва ли*). Функционально-семантическое поле сомнительности – сложное, иерархически организованное образование с чётко проявленным ядром и богатой периферией.

Смысл «сомнение», являющийся семантическим составляющим языковой ситуации недостоверности, включается в группу прагматических смыслов. Данные смыслы – по сути модально-кваликативные, выражающие коммуникативно оформленный результат персуазивной квалификации события субъектом. Если логические смыслы «возможность» и «вероятность» основываются на объективных условиях возможного осуществления ситуации, то модально-квал-

ликативные смыслы вводятся говорящим непосредственно для решения поставленной коммуникативной задачи. Это смыслы уточняющего характера, которые соотносятся с речевой ситуацией и определяют соотношение высказываемого и действительности в координатах «здесь» и «сейчас» в приложении на точку зрения говорящего. Смысл «сомнение» сконцентрирован на уточнении пропозиции предложения. Как сугубо «личностный» смысл, сомнение связано с действительностью в большинстве случаев опосредованно – через логические смыслы «возможность» и «вероятность».

Концептуальная база для сомнения – предположение. Последнее исходит из возможности. Предполагать можно то, что является возможным или невозможным, что потенциально осуществимо либо неосуществимо. Таким образом, связь предположения и возможности налицо. Но предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, в то время как возможность зависит не только и не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют вне данного фактора в объективной реальности. Таким образом, предположение – основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто: – *Ну, прощайте, други... Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели* (И. Тургенев); – *Хехе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете! Авось все, что я говорю, правда!* (А. Чехов).

В высказываниях, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля предположительности, однако последняя не превалирует, так как интенция говорящего заключается не столько в том, чтобы предположить об описываемом, сколько в том, чтобы выразить неуверенность в достоверности или недостоверности факта, в истинности чего-либо, актуализировать ретушированность, некую спорность проблемы, колебание, возникающее при необходимой для говорящего квалификации события: *Ты вроде уже говорил*

мне об этом (В. Шишков); – Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да, верно, ей это прошло. – Не знаю, – говорю, – что-то **будто** и не слышно, не кричит (Н. Лесков); Как вдруг из распросов сиделки, Покачавшей головой, Он понял, что из переделки **Едва ли** выйдет он живой (Б. Пастернак); – Ну, а почему бы и нет?.. – Да **неужели?** (В. Шукшин). В результате высказывания, выражающие сомнение, активно смещаются к смысловому полюсу отрицания. Это логически оправданно: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближенно к обозначенному полюсу. В то же время с отрицательными подобными высказывания не смыкаются. Возможность осуществления факта хотя и подвергнута говорящим сомнению, однако не отрицается полностью. На это у автора либо нет достаточных оснований, либо, напротив, имеются особые причины, препятствующие нейтральной утвердительной или отрицательной констатации. Отрицания не происходит даже в том случае, когда в высказывании выражена глубокая степень сомнения, как правило, базирующаяся на знании говорящим объективных обстоятельств, на основе которых и возникает его субъективное мнение: – Ты помнишь меня, малышка? – спросил он. – Хотя **вряд ли**: тебе было всего три года, когда я был у вас в последний раз (А. Волков); Как уже случилось раньше, он **едва ли** приедет («Комсомольская правда»).

Проблема осведомлённости актуализирует аспект обоснованности сомнения. Как языковая, так и внеязыковая мотивация степени осведомлённости субъекта может служить базой для градации оттенков сомнения, диапазон которых достаточно обширен – от логически обоснованного сомнения до сомнения необоснованного, случайного. В то же время даже при поверхностном анализе проблемы выясняется, что логически обоснованное, «подкрепленное» сомнение, никогда не может быть приравнено к отрицательной констатации факта. Дистанциро-

вание от ответственности за фактичность высказываемого даёт говорящему право «синтаксически дипломатично» квалифицировать результат ситуации: **Вряд ли** есть вообще что-либо достойнее, чем стремление совершенствовать свой дух, увековечить себя в труде, в творениях своих (О. Гончар); – Ага... Так... **Чай**, теперь все пошло по-новому, не так, как при нас было (А. Чехов); – Ну вот, – сказал Дик, – **вроде** замотал я тебя сносно (К. Булычёв).

Выделение смысла «сомнение» ориентирует на учёт не только лингвистических, но и суперлингвистических факторов. В этом аспекте формальные языковые элементы характеризуются как показатели, отражающие лишь начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, далее конкретизируемого подключением средств других уровней, в первую очередь контекстуального и интонационного. Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложнённого смысла «сомнение», фиксируемого формальным языковым элементом. Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавное наложение одного смысла на другой, совмещение их: – **Небось** и не придёт больше, – терзался сомнениями сосед (Ю. Тупицын); Но **вряд ли** вам, Аристарх, удастся быстро отыскать узел пересечения, даже если он существует (В. Головачёв); И **вряд ли** мне удастся достичь совершенства (Ю. Тупицын); Но **едва ли** он видел эти узоры (В. Головачёв).

Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить параметр обоснованности мнения, на который ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания (Ср.: *Всё-таки когда-нибудь счастливой **Разве** ты со мною не была?* (А. Блок) – сомнение, осложнённое желательностью; *Скептики на это замечали, **мол, как бы** не случилось непоправимого* (Е. Носов) – сомнение, осложнённое опасением;

Он **вряд ли** мог мечтать о таком развитии события – сомнение, осложнённое возможностью; Действительно, он **едва ли** сможет вовремя вернуться – сомнение, осложнённое акцентированным подтверждением. При этом должен быть учтён фактор, что структура персуазивного смысла сложна. Редким исключением являются случаи, когда персуазивный смысл, в том числе и смысл «сомнение», выступает в своём неосложнённом варианте. Осложнения, образуемые коннотативными, текстовыми наслоениями, разного рода оценочными и авторизационными факторами, прагматически обусловленными и оправданными, – всё это подводит к тому, что сфера общего квалификативного смысла высказывания в тексте должна исследоваться системно и поэтапно, с коммуникативно-прагматических позиций.

Комплекс актуализированных проблем позволяет утверждать, что универсальность сомнения как квалификативного смысла концептосферы индивида базируется на универсальности ментальной операции сомнения, логически обоснованной, связанной с факторами субъекта и адресата, обусловленной данными факторами, имеющей прямое отношение к ситуации сомнения, языковой и концептуальной картина мира социумов, сферам ментальности и оценки. Данная проблема интересна по своей сути и требует специального изучения. Модально-квалифи-

кативные смыслы, в частности явившийся предметом нашего внимания смысл «сомнение», являются важными составляющими концептосферы индивида. В ментальном и коммуникативном процессах они характеризуются как динамичная, развивающаяся система, предназначенная для решения поставленных перед говорящим задач. Тем не менее фактор необходимой иерархизации смыслов, их упорядочивания и систематизации при исследовании концептологического аспекта проблемы, несомненно, должен иметь место. Дальнейшее детальное исследование блока модально-квалификативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область ментально-информационного пространства индивида, представляется перспективным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 382 с.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
5. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. – Новосибирск: Наука, 1977. – 191 с.